

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

ИРИНА
БЕМ

ОРФЕЙ

МВК

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

ИРИНА БЕМ

ОРФЕЙ

Стихотворения

Водолей
Москва – 2010

ББК 84Р7-5
Б45

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Составление, послесловие и комментарии
Любови Белошевской

ISBN 978-5-91763-031-1

© Л. Белошевская, составление, послесловие,
комментарии, 2010
© Издательство «Водолей», 2010

ОРФЕЙ

ОРФЕЙ

В те дни, когда божественный Орфей
Дерзнул спуститься в царство Персефоны,
Он, гласом струн и пеньем вдохновенный,
Смутил сердца безжалостных теней.

Она пришла легчайшею стопой,
С земной любовью трогательно схожа...
О, если б в оны дни мы жили тоже,
То верь, и я б спустилась за тобой!

1937–1939

* * *

Жить всерьез и каждой новой роли
Отдавать весь пыл, всю скорбь души,
Забывать, и как бы с первой болью
Видеть, что на смену своеволью
Своеволье горшее спешит.

Забывать и полной мерой мерить,
Ставить всё на нечет или чет,
И, года считая суеверно,

Знать, что даже дней высокомерность
Ничему не сможет научить.

1937

* * *

Каждый день приносит новые тревоги,
Каждый день горит бессмертная душа,
Всё еще, волнуясь и спеша,
Ты стоишь у ночи на пороге.

Тело, как усталый раб, подымлет бремя
И в бессилье плачет, как дитя, навзрыд;
Но душа не внемлет и горит,
Краткой жизни сокращая время...

1939

* * *

О, если б знать, о, если бы предвидеть,
О, если б время повернуть назад!
Душа не слышит гласа Немезиды
И, обреченная, не может знать.

Ты мудростью мудра прошедшей только,
Душа моя, и ныне знаешь ты,

Что надо было просто, как ребенку,
Сказать «нельзя» и руку отвести.

Непоправимое, какое слово...
Вот все расходятся и свечи тушат...
Мой дом готов. Но как он страшен, новый,
Когда твой светлый дом уже разрушен...

1938

* * *

Я брошена в жизнь Тобой
Такою незащищенной:
Неправый, неравный бой,
Заранее предрешенный.

Боец, не знаю досудь,
Во имя кого я выйду,
Во имя кого снесу
Чудовищную обиду?

Ответь, где моя броня,
От ран чтоб защитить тело?
И веры нет у меня,
Чтоб сердце победно пело...

Тяжеле полдневный жар,
Темней филистимлян лица,

И в этот раз Голиаф
По праву будет глумиться.

1935

* * *

Меняются люди, но вещи
Стоят на привычных местах.

М. Шкапская

Меняются люди, уходят
Из жизни и сердца живых...
Но вещи живут и выходят
Порой, чтоб напомнить о них.

Казалось, дочитанный свиток,
Казалось, все строки в пыли...
Но в адресной книжке забытой
Остался невырванный лист,

Где почерк упругий, кудрявый
На белой странице цветет,
И голос, и голос, как тот:
«Сойдете, свернете направо!»

И вот я опять ученица
С сухим нецелованным ртом.

Прекрасный учитель садится,
Строку отмечает ногтем.

И снова в заклятье Психея
Пускается в горестный путь,
Где ей ни догнать, ни вернуть
Допевшего песни Орфея.

1947

О, если б смерть, но страшны персть и прах;
О, если б тот, кто говорит, что любит,
О, если б он! Но между нами люди,
Слов непрощенных боль и будущего страх.

Грядущий день – лишь повесть новых бед,
И утро – лишь исход для новых пеней.
О, если б ночь и сон без пробужденья,
О, если б ночь, которой утра нет!

1939

* * *

Только не о том, что сейчас,
Только не о том, что сегодня,
Только не о гневе Господнем,
Что так страшно карает нас.

А о марте, о снеге, что тает,
О немом прорастании злаков,
О безветренном море фаяков,
Где играла с мячом Навзикая.

Но это ты можешь только сейчас,
Но это ты смеешь еще сегодня,
Но знай, что твой не минует час
И ты не уйдешь от гнева Господня.

Тоскуя, тоскуя безмерно и страшно скорбя,
Все выплакав слезы и боле утрат не считая,
Душа моя, пленница, как ты уйдешь от себя
К тем синим волнам, где видел Улисс Навзикаю?

* * *

Говорят, что я еще молода
И на девочку будто похожа...
Во время войны и голода
И я постарею тоже.

И будут белые пряди,
И будут морщины вдруг,
И некому будет гладить
Работой сведенных рук.

Накину на зябкие плечи,
Когда стемнеет, платок...
Но, голос мой, голос певчий,
Ужели и ты умолк?

Мне Богом даровано с слова
Снимать молчанья печать...
За этот дар я готова,
Но впрямь ли, впрямь ли готова
Земные дары отдать?

1941

* * *

Еще мы вместе все, друзья, друзья,
Но мы уже разлучены судьбиной:
Не может быть, чтоб жребий сей нас минул,
Но да минует, Страшный судия!

Мы говорим забытые слова,
Забыв о дне неизреченных бедствий,
И садим сад, где порастет трава,
И строим дом – чужих детей наследство.

А жизнь могла бы быть прекрасна так,
Когда пчела жужжит над сонной мятой...
Но всё идет, ступая мерно в такт,
Тяжелой поступью солдаты.

И гибнет всё – посевы, города,
И души гибнут – люди, люди, люди!
Года текут, как мутная вода,
И трубный глас ночами сердце будит.

Но, как отцы, теряя всё опять,
Мы заключим таинственное братство,
Чтоб телу было легче умирать,
Чтоб сердцу было легче расставаться.

1943

* * *

Иногда, просыпаясь, забудешь совсем, что война;
Удивленные очи слепят еще сонные грезы...
Иногда, просыпаясь, вдруг кажется, эта страна
На иные суровые страны ни в чем не похожа.

Может быть, на стекле ледяные застыли цветы,
А другие, живые, мешают с рождественской елью
Теплый запах и краски; ребенок смеется, и ты
Предаешься на миг беспричинно,
как в детстве, веселью.

И поешь и смеешься, грядущее снова встает,
Словно утром залитые розовым солнцем вершины.
Иногда, забывая, еще и теперь запоет
Уязвленное сердце и верит на миг, на единый.

1944

* * *

Не знаю, от жизни ль угрюмой,
От грозного ль клика войны
Молчит моя Муза-подруга
И даже не видит весны.

А в белом цвету уж черешни,
И воздух опять голубой,

И свод перевозданный и вешний,
Качаясь, плывет над тобой.

И травы душисто упруги,
И влажно дымятся сады...
Проснись же, о Муза, подруга,
И в светлый ей лик погляди!

1944

НОВЫЙ ГОД

Старый год, последний год кровавый,
Небывалый, самой злой войны,
Мы сегодня с поминальной славой
Проводить и позабыть должны.

И взглянуть в лицо младому году...
Год прекрасный, что ты нам сулишь?
За труды, утраты и невзгоды
Чем усталых сердцем одаришь?

Но когда кругом кипит веселье,
Но когда кругом всё петь должно,
В наших душах – горькое похмелье,
В наших душах – терпкое вино!

Та страна, что всё же всех дороже
Сладостью родного языка,

Так же, как и прежде, далека:
Ни простить, ни позабыть не может...

1946

НОВАЯ ВЕСНА

---

*Посвящается моему мужу
Михаилу Антоновичу Голику*

* * *

Был март. Ты, наверное, знаешь, читатель,
Что в марте впервые смеется весна,
Впервые нам кажется зимнее платье
Тяжелым, и хочется волосы снять.

Так в марте, стуча каблуком о ступени,
Бежала красавица, девушка лет
Шестнадцати; дождик, впервые весенний,
Веселыми каплями брызгал ей вслед.

Она хоронилась от капель и крапин,
Она на бегу подставляла ладони,
А он то затихнет, то снова, внезапно,
Тяжелую светлую каплю уронит.

Так, глядя в лицо ей, в то утро я вдруг ощутила,
Что это весна, что она уже тут,
Что дождь – жизненосен,

Что неба высоки стропила,
Что месяц – и бурно сирени кусты зацветут.

1937

* * *

Есть мгновенья, тихие как зори,
Как небес торжественная высь;
Мнится мне, что на суровом море
В это время бури улеглись,

Что никто не плачет и не ропщет,
Словно все исполнены мечты,
Что слетают звезды полунощи,
Словно пчелы в спящие цветы.

НОВАЯ ВЕСНА

Опять весна воздушными перстами
Туманит даль и золотит мосты;
Опять омыла золотом кусты,
А землю – неисполненными снами.

Но в этот год по-новому приемлю
Волшебницу-весну, иной ей шлю привет:
Я обрела забытых детских лет
И легкий сон, и ласковую землю.

Мой светел день, мне день иной не нужен:
Моя судьба, моя любовь со мной.
И солнце бескорыстнее, и глубже
Над нами небо с новою весной.

1941

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Любовь моя, вся плоть моя – твоя,
Вся косная и скованная нежность...
(Тысячелетьем сомкнутые вежды
И пробужденья трепетная явь.)

Любовь моя, вся грусть моя – твоя,
Вся суть моя, движенье мысли каждой...
(Вот встрепенулись воины на страже,
И вновь журчит фонтанная струя.)

* * *

Розовеет заря, зеленеет плетень,
И весна распускает намокшие пряди.
Вот уже громыхало сквозь ливень весь день,
Вот уже повилика ползет по ограде.

Босоногое счастье мое у межи,
Босоногое счастье мое не согрето.

Босоножка-весна... Но она добежит
До горячего, горького, сонного лета.

И когда, в знойный полдень, кривая сосна
Благовонными каплями брызнет сквозь поры,
Ты внезапно поймешь: миновала весна,
И с горючею нежностью сердце повторит

Первых ливней разлив, зелень первой листвы,
Вдоль плетня повилики побегии крутые...
Беспричинные слезы, и радость, и ты,
Опаленное сердце любовью впервые.

1940

* * *

Золотые кусты форзитий,
Как герольды у пражской весны.
И вот снова в мою обитель
Залетают прежние сны.

И хоть годы бегут, как прежде,
Над землею нега и грусть,
Облака в пасхальной одежде,
И в сиянье форзитий куст.

И громада святого Витта
Так же чертит четкую тень

На оттаявших звонких плитах
И весенний торопит день.

И хоть годы бегут всё так же,
Лед ломая, шумит река.
Тихо Брунsvик стоит на страже
Там, где воды и облака.

И хоть годы бегут, всё те же
На душе – томленье и грусть,
Так же сердце поет, как прежде...
Пусть иные умолкли... Пусть...

1947

ЗВЕЗДНЫЕ ВЕЧЕРА

АКВАРИУМ ЗВЕЗД

Уж которую ночь мне снится,
Только камнем я кану в сон,
Что большая серая птица
Бьется в стекла моих окон.

От ударов могучих крыльев
Содрогается дом до дна...
Не могу в колдовском бессилье
Отвести глаза от окна.

Смотрят пристально, не мигая,
Окна прямо в звездную ночь,
А за стеклами – рыба стая
Звезд и птица, чтоб им помочь.

Звон стекла... Как от черепицы
Разлетается верх окна;
В брешь, пробитую грудью птицы,
Смело хлещет ночная тьма.

Я гляжу: без конца и края,
Точно рухнул небесный свод,

Устремилась звездная стая
Из иссякших надгорных вод.

И в снопах голубого света,
Распуская пушистый хвост,
Заплывает ко мне комета
В этот новый аквариум звезд!

1935

АВГУСТ

Ведь в августе ночи прекрасны, как дождь
В безумном весеннем разливе;
Тебя обдает, пронимает до слез
И ранит под сердце навывлет...

Как в ливень по телу мурашки и дрожь,
Как в ливень, шумящий и краткий,
Что вымочит сразу, до нитки, насквозь,
Целует в виски и лопатки.

Укрыться? Но всюду раскинулся свод,
И капают звезды на плечи,
И кажется: звездами свод изойдет
И высохнет путь этот Млечный.

1935

ПОЛНОЛУНЬЕ

Летняя ночь... Дышит земля
Тяжким цветов ароматом.
Линия гор, луг и поля
Лунным туманом объаты.

Призрачный диск в небе плывет,
Словно ладья по лагуне;
Страшен и пуст кажется свод
В летнее полнолуние.

1935

АЛЬДЕБАРАН

Как я люблю среди ночи глубокой,
Крадя часы у сладостного сна,
Созвездья называть по именам
То Греции, то Дальнего Востока.

Вот за окном меняется погода:
Редет лист и лужи в ряске льда.
Но знает кто, что в это время года
Восходит новая прекрасная звезда?

Когда к земле не стелется туман
И южный край прозрачен небосвода,
Восходишь первый ты, Альдебаран,

Ярчайшая звезда в созвездии Тельца,
И зимней ночи, ночи без конца,
Навстречу звезд выводишь хороводы.

1952

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Ночь летняя спускается на землю,
Какой покой, какая тишина!
С ресницами, тяжелыми от сна,
Деревья околдованные дремлют.

Взгляни наверх: всё небо полно звезд!
Дух занимается и голова кружится...
Гляди глазами, мутными от слез,
Как Млечный путь, что риза, серебрится.

Колени сами клонятся в траву,
И плакать хочется и хочется молиться,
И сердце рвется из груди, как птица,
Как будто Бога видит наяву.

ВЫСОКОЕ МЫТО

---

*Посвящается другу моей молодости
Андрею Ник. Лосскому*

ВЫСОКОЕ МЫТО

Высокое Мыто – для всех небольшой городок,
Где площадь, костел, а другого приметного нету.
Высокое Мыто для сердца – такой уголок,
Где прожиты были три самые светлые лета.

Высокое Мыто по карте лежит в стороне
От Праги: вокруг заливные луга, огороды,
Для сердца – Высокое Мыто в волшебной стране,
Где всё воскрешает ушедшие юности годы.

1951

ЛЕТНИЕ СУМЕРКИ

Сумрак льется в окно, смолкли птицы,
Скоро первая брызнет звезда.
Тихо всё... Только ветер страницей
На столе шелохнет иногда,

И тогда у окна занавески
Надуваются, как паруса:
В этот час обескрылили вести
И смолкают людей голоса.

Мы с тобою огня не рассветим,
Чтоб огнем не вспугнуть полусвет:
Мы с тобою притихли, как дети
Перед елкою на Рождестве.

Мы с тобой не нарушим молчанье,
Совершенное в скудости слов...
И душа – потрясенное зданье
Тишиною до самых основ.

1935

УСТАЛОСТЬ

Ах, это тепло от земли
И это вечернее небо,
Усталые ноги в пыли,
Стол где-то в саду,
Стакан молока и ломоть душистого хлеба...
Ах, это тепло от земли и это вечернее небо!
И эта, как сладостный яд,
Усталость, сковавшая члены,
Внезапно умолкнувший сад,
Газон, где левкой цветут,

Сад притаился и молчит,
Молчит и дышит:
Рояля яростный прибой
Далеко слышен.

Аппассионата! Вопль души,
Стон безудержный...
Я вся в слезах, в ночной тиши
Стою, как прежде.

И юность робкую мою
По ризы краю
В последний раз я узнаю
И забываю.

1943

МОЛОДОСТЬ

Ты, может, позабыл? Но молодость свою
Никто и никогда не забывает!
Вот оттого-то я ее пою
И с радостным волнением вспоминаю,

Как сад шумел, как искрилась вода,
Как под ногами пели травы,
Как проплывало облако курчаво
И первая вечерняя звезда
В потухшем небе трепетно мерцала.

Но бури собирались иногда,
Сад вдруг темнел и хмурилась вода,
Деревья гнулись, листья трепетали,
И небо становилось цвета стали...

Всё это есть и ныне. Но тогда
Свежее были радость и печали.

1952

РАССТАВАНЬЯ

Мне снились сначала одни расставанья:
Болотистый край, камыши и песок.
И ты, уходя, очарованный странник,
Как в тягостном сне, оглянуться не мог.

Когда на гремящей платформе вокзала
С тобой мы прощались, друзья наяву,
То сердце не ведало, сердце не знало,
Как трудно найти разрывную траву.

И вот, год за годом, мне снились прощанья:
С бурлящей волной уходил пароход,
И ты исчезал, очарованный странник,
В туманную даль голубеющих вод.

И только однажды мне снилось свиданье
(Мне сон этот помнился долго потом),

Мы, за руки взявшись, бежали садами
Средь яблонь цветущих, омытых дождем.

Ужели умру и тебя не увижу?
Ужели, как милость, не будет дано
Хотя бы единое, к смерти пусть ближе,
Но всё же свиданье, хотя бы одно?

Чтоб здесь, на земле еще, повесть разлуки
По дням и годам рассказать не спеша,
Минувшее вспомнить, и, юность порукой,
На всё зазвенишь, как вторая душа!

1948

* * *

Моя душа – как горная трава:
Упрямая, суровая, простая...
В минувшее корнями прорастая,
Она текущим тронута едва.

Быть может, ты, товарищ юных дней,
Ни этих мест, ни этих лет не помнишь...
Я их храню, чем доле, тем верней,
Чем доле, тем упорней и упорней.

Как я любила старый сад и дом,
Ту комнату с готическим окном,

Бросавшим сноп таинственного света,
Где мы обедали, читали летом
В прохладном сумраке, в сиянье голубом.

Ты помнишь ли грозой омытый сад,
Где всё в тени и влаге тонет?
Открыты окна, и во тьму летят
Рыдания бетховенских гармоний...

Ты помнишь звон кузнечиков в лесу
И сосен знойное томленье,
Велосипедов мерное гуденье,
Слепящую дороги полосу?

А на опушке к вечеру привал?
От сосен тени падали косые.
Как вкусен хлеб (такой уж не бывал),
Как жарки споры молодые!

Далекий друг, ты, может, уж не тот
И этих лет порой не вспомнишь даже?
Моя душа вся прежняя, вся та же.
В моей душе всё прежнее живет.

1953

ОСЕНЬ

ОСЕНЬ

Какая грусть в пустеющих полях,
В холодной мгле осеннего рассвета...
Как неприветлива и тиха эта
Еще недавно шумная земля.

Какая грусть соседей провожать,
Махать платком в туман сырого утра,
И как ненужно вдруг и бесприютно
Бугрится между двух полос межа.

И вот, готовя длинный перелет,
По ниткам-проводам расселись птицы;
И вот уже седой дымок клубится,
И прелой гарью пахнет поворот.

И вот уже славянский листопад
Багрянит стены диким виноградом,
И вот душа, ступая здесь и рядом,
Опять бормочет рифмы невпопад.

Но, золотыми листьями шурша
Под сенью обнажившихся каштанов,
Я в этот раз ей отвечать не стану

И побреду бездумно, не спеша,
На ветви глядя черные каштанов.

1940

* * *

Дети на улицах ищут каштаны,
Вот уже осень опять на дворе...
Поутру дремлют седые туманы
На побелевшей, жесткой траве.

Скоро затопим дымные печи:
Алые блики на гладком полу.
Дождь зашумит, забубнит, залепечет
Про непогоду, про стужу, про мглу.

Дом станет тихим. Уютным и тесным,
Дом поплывет, как большая ладья,
И колыбельная первая песня,
Первая песня польется моя.

Вот оно, счастье, суровое счастье:
Мир, отраженный в двух круглых зрачках!
Неторопливое ночи участие...
Полночи звон на далеких часах.

1943

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

А вот уж и осень!
Как я проглядела весну,
И знойное звонкое лето,
И тяжесть колосьев,
И в каплях смолистых сосну,
И пенье кузнечиков где-то.

Как я проглядела
И звездную синь васильков,
И алость пушистую маков,
И ширь без предела –
Бегущий, шумящий покров
Волнуемый алчущих злаков!
Но всё уже смолкло:
Отблагоухал сенокос,
Давно отшумели колосья;
Угрюмая осень,
Незванный, непрошенный гость,
Охапками листья уносит.

1946

* * *

Как хороша осенняя пора!
Как балует дарами осень!
Прозрачен воздух, тихи вечера,
И неба манит ласковая просинь.

Подсолнечники в зелени садов
За солнцем солнца тянут золотые,
И яблони под тяжестью плодов
К земле клонятся ветками густыми.

А на прилавках – дыни, виноград,
Колосья тучные тяжелой кукурузы
И снятые с песчаных жарких гряд
Тяжелые кровавые арбузы.

Цвет осени – цвет крови и вина...
Теперь земля за тяжкое усилие,
За верный труд должна платить сполна,
Как сказочная чаша изобилья.

1956

В ПОИСКАХ БОГА

---

* * *

Благословенны пахоты и нивы,
В горячем солнце спящие снопы,
И пахаря тяжелые стопы,
И вол, бредущий поступью ленивой.

И хоть не мне в числе их веселиться,
Благословенны те, кому в гумно
Господь ссыпает счастье, как зерно,
Своей неравно мерящей десницей.

1939

МОЛИТВА

Как древле, Господи, Тобой прощенный Ной
Увидел выси, всплывшие как мели,
И первой ветви радостную зелень
Над укрощенных вод голубизной,

И нам увидеть дай прощенные поля
И грады, спящие во тьме ночной беспечно,

И, всё забыв, пусть вновь о мире вечном
Молиться смеет страдная земля.

1940

* * *

Глас Бога в древней Иудее
Слышал и пастырь, и пророк.
Куст загорался, пламеня,
И знал Мойсей, что это Бог.

И я молила Провиденье,
Да ниспошлет душе моей
На миг единый ощущение
Безмерной светлости своей!

Как свой огонь пещерный житель,
Я этот миг бы сберегла
И Богу в светлую обитель
В годину смерти отдала.

1953

ЭЛЕГИЯ

Куда идти? Кому молиться,
К ногам кого в слезах припасть?
Как пережить, как перебиться,
Перетерпеть злых дней напасть?

Теряю с каждым днем веселость,
Своей судьбы не узнаю,
С тупым упорством трачу молодость
В служенье косном бытию.

А годы смотрят вновь сурово.
Напрасно счастье зову:
Олировая ветвь в клюву
У голубя залита кровью!

Кто примет души с поля мертвых?
Кто смочит раненым уста?
И чье бесстрашие простерто
Над телом распятым Христа?

Стою перед закрытой дверью,
Своей судьбы не узнаю...
Куда пойду, кому поверю,
С кем разделю печаль свою?

1950

КУДА ИДТИ?

Куда идти? К Спасителю Христу,
Распятому за нас при Понтии Пилате.
Три страшных дня... но вот уже несут
Благою весть апостолы и братья:

Христос воскрес! Упасть к его ногам,
Забыв и ложный стыд и меру,
И знать, что никому уж не отдам
Воскресшую из пепла веру.

За вечный дар божественной любви,
За дар бессмертья, купленного кровью,
Спасителю, прими мои хвалы,
Прими мои скупые славословья!

1969

МАРИЯ

Христос идет и щедрыми руками
Целит, благословляет и дает.
А мать его, кротчайшая из жен,
Лишь тем славна меж нами,
Что матерью была его.

У матери младенец на руках,
И руки связаны священной клажей:

Она легка, как белый пух лебяжий,
Она томит, как беспричинный страх...

«Тебя три дня мы ищем. Мать всё плачет,
Вся истомилась, нет на ней лица!»
«Мне место в доме моего отца», –
Им отвечает терпеливо мальчик.

Мария – мать. Младенец на руках –
Блаженное, томительное бремя...
Остановись, остановись, о время!
Повремени, предчувствий горьких страх!

1969

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

КИЕВ

Зачем не твоя, о Киев,
Стремительная весна
Навеяла мне впервые
Влюбленные бредни сна?

Весна... Разве вёсны такие
Бывают на Западе, тут?
Спит зимнею спячкой Киев,
А к утру весна: бегут,

Летят, спотыкаясь, кубарем
К Крещатику вниз ручьи,
На улицах снег неубранный
В тених голубых журчит.

Потоки, грязней, чем с фабрики,
С восторгом несут зараз
На бурых волнах кораблики
И с улиц весенних грязь.

Проспавшись, громкоголосые,
Под толщею снеговой,
Христосуются с колесами
Булыжники мостовой.

И весь этот шум, этот рокот,
Всё к небу, всё ввысь, как хвала,
Всё к тверди, где в синих потоках
Полощутся колокола...

1935

НА СМЕРТЬ Н. ГРОНСКОГО

Смерть по выбору, смерть не на плахе,
В взмахе юности светел и чист,
Как к причастию, в белой рубахе
Умирает в горах альпинист.

И пилот, с высоты самолета
Обрываясь... Там синяя твердь,
И последнее счастье полета –
Может быть – побежденная смерть...

О, поэт, так ли мнил ты последнюю встречу?
Город, сутолочь, шум, поворот –
И внезапно, и навзничь – убит, изувечен
В подземелье парижском метро!

Или смерть, как любовь, тот же жребий,
И не должно нам сметь,
Не дано даже этой утехе последней –
Выбирать по плечу себе смерть?

1936

* * *

Ты шел дерзновенной эмблемой отваги,
Корабль, сквозь дни и века,
И груди упругой и вспененной влаги
Твои разрезали бока.

Твои паруса напрягали муссоны,
Их рвал налетающий шквал...
А солнечным утром из Лиссабона,
Упрямый, ты вновь отплывал.

И снова дул ветер, шальной и раскосый,
Гнул мачты и гнал паруса,
Трепал увлажненные брызгами космы,
Репенилось море, и знали матросы,
Что им не вернуться назад.

1936

* * *

Прекрасное слово – гордость!
Как горных раскатов звук,
Как стали каленой твердость,
Как смелых сплетенье рук.

Но гордость – только подножье
Иному слову, и несть

Надежней, светлей и тверже
Короткого слова – честь.

1937

ОЛЕРОН

Да, море сегодня спокойно,
Оно неподвижно лениво,
Как пляж, обнаженный отливом,
Где барки лежат на мели:
Чуть слышно дыханье прибоя,
Когда наступает отлив.

А завтра, быть может, оно потемнеет,
Грядами свинцовыми встанут валы,
И ветер погонит из вспененной мглы
Их дикие орды на вымерший берег.
Не там ли вчера мы стояли, и ели
Роняли янтарные капли на вереск?

1937

ПРАГА

Ветер рвет у ограды сиреневый куст,
Ветер треплет полотнища флагов;

Я сегодня, тоскуя, опять поднимусь
На один из холмов, что над Прагой:

Ширь какая, как воздух туманно лучист!
Оглянись: вот она на ладони,
В голубых испареньях весенних ночей,
Как купальщица, плещет и тонет,

Валом каменных глыб заливая простор,
По холмам из столетья в столетье...
Каждый свод в этом городе, каждый костел –
Дней твоих молчаливый свидетель.

И когда ты идешь по нему не спеша,
То ты видишь, что каждая встреча,
То ты видишь, что каждый твой день и твой шаг
На камнях этих улиц отмечен.

Жизнь моя, дней моих незатейливый свет,
Мир моей ученической кельи!
Разве может над вами склоненный поэт
Встрепенуться и петь, чтоб запели,

Чтобы, вторя ему, зашумели года,
Чтоб сомкнулись разбитые звенья,
Как сплетаются ветви на глади пруда
В новом, сказочном отображеньи?

Мой привет тебе, город, моя колыбель,
Ты, как юность моя, неотъемлем!

Я когда-нибудь горечь здесь прожитых дней
Подниму как сладчайшее бремя...

1937

* * *

О, если ты, звезда – Петрополь, город твой,
Твой брат, Петрополь, умирает.

О. Мандельштам

Люблю зиму,
Люблю, когда морозные туманы
По вечерам окутывают град,
Когда белеют плечи у фонтанов
И фонарей во мгле тускнеет ряд;

Когда час от часу, как гнев, растет и крепнет стужа,
Когда шаги, как сталь, звенят в тиши,
Когда прохожий, запахнувшись туже,
К уюту ламп в свой светлый дом спешит...

Сегодня призрачней и легче очертанья,
Сегодня ночь прозрачней, чем вчера,
Петрополь, о тебе воспоминаньем
Душа полна в такие вечера.

1938

РОЖДЕСТВО

Елка зажжется двойными огнями в сочельник
И на мгновенье сквозь слезы к окну поплывет;
Звуки тускнеют, туманятся лица, и вот
Входит печаль: пусть приход ее будет священен.

Средь суеты, среди смеха, средь радости этой
Пусть лишь к тебе подойдет, не тревожа других:
Вот уже первый напет неразборчивый стих,
Вот уже первые робкие строфы напеты.

1940

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество, друг мой прекрасный,
Вот ты снова, ты снова со мной!
Разве я не склонилась безгласно
И смиренно пред этой землей?
Разве я, разве я не любила,
Разве сына не повилá¹?
Разве горний свой дом не забыла,
Где душа когда-то жила?
Но таких на земле не надо,
Как не надо грешных в раю;

---

¹ Повить – спеленать ребенка после родов (уст.).

И как те, но из дольного сада.
Я изгнанье свое узнаю.
Предо мною крутые ступени,
Надо мною звездная высь.
Больно сердцу, слабеют колени,
Одиноки, кто поднялись...
И земля бесконечно далёка,
Разве можно ее променять?
Одиноко, так одиноко,
Как в горах на исходе дня.

1945

ЗАСУХА

Ни звука, ни тени... Палящий безветренный зной
Сжигает посевы и травы.
По белой дороге, глаза заслоня рукой,
Чуть тащится путник усталый.

Ручьи пересохли. Где, пенясь, шумела вода,
Там тина да голые камни.
Растресканный ил, где зеркало спало пруда,
Безветренный воздух – как пламя.

Спаленные солнцем деревья роняют листья
На горькую пыльную землю.

Лишь сосны, красавицы-сосны, раздвинув кусты,
В безмолвной надменности дремлют.

1947

* * *

Неужели все песни заглохли, умолкли,
И, как влага, иссыкли слова?
Утомленные мысли кружатся без толку,
Как по пыльной дороге листва...

Помню, раньше луна проплывала по небу,
Словно лебедь по глади озер.
Помню, раньше ромашки шушукались: «Где бы
Попышнее раскинуть ковер?»

Помню, раньше хотелось бежать, чуть касаясь
Невесомой певучей земли.
И цветы расступались, и травы, ласкаясь,
Целовали ладони твои.

А теперь ты спешишь занавесить окошко
От докучного лунного света, цветы –
Это просто цветы. Наберешь их немножко
И тихонько вздохнешь и отгонишь мечты.

1949

НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

Ночь под новый год настала,
Всё уж спит везде:
Ты продрогла, ты устала,
Схоронись под одеяло,
Как птенец в гнезде.

За окном и ночь и стужа,
Млечно светит двор,
Снег бесшумно, тихо кружит,
Словно ткёт из мягких кружев
Свадебный убор.

Только сердце спать не хочет:
В чутком полусне
То о будущем пророчит,
То минувшим горем точит,
То ли звукам вещей ночи
Вторит в тишине...

Что его опять тревожит?
Всё уж спит кругом.
Если было бы моложе,
Может быть, стучало б тоже,
Только о другом...

1957

ДЕТЯМ
(СОНЕТ)

За то, что из тиши небытия
Ты вызвала две робкие душонки,
До полночи стирая рубашонки,
Не сетуй, не ропщи, не укоряй!

Как молодость ушедшая твоя,
Их беготня, и смех, и говор звонкий.
Безмерное доверие таят
Их широко открытые глазенки...

Что суждено им видеть, что понять,
Какую ношу, может быть, поднять
На этом зла и страды полном свете?

И ты за них, творец беспечный, мать,
За каждый их недоуменный взгляд,
За их прозренье горькое в ответе.

1957

НАБЕГ ЧИНГИСХАНА

Еще кипели торжища Бухáры,
Еще молились муллы по корану,
Когда косые орды Чингисхана,

Перевалив через хребты Тянь-Шана,
В долину хлынули, как божья кара.
Мечь хану, как степной кумыс, отрадна:
Зерно на корне будет сожжено,
Кровь потечет, как мутное вино,
И разоренью будет отданó
Волшебное богатство Самарканда.
Как волны одичалые потопа,
Сметут столетья полчища орды,
Засохнут водоемы и пруды,
Степные кони вытопчут сады...
Не тот ли жребий ждет тебя, Европа?

1957

* * *

Я всю ночь говорила стихами
И проснулась с счастливой улыбкой:
Это молодость била крылами
И коснулась рукой своей гибкой.

Я проснулась с счастливым напевом
Кружевных, несложившихся строчек.
С изумленьем, как Чистая Дева,
Я вникала, что голос пророчит.

Наяву? Или, может быть, снится?
Или молодость не умирает?

Чуть смеясь, подымаю ресницы,
Милым звукам забвенно внимаю.

1970

Теплице в Чехах

ШУТЛИВОЕ ПОСЛАНИЕ

Моей ученице Яне Швецловой

И ты уж доктор: вот потеха!
Прими ж далекий мой привет
И пожеланья многих лет
Работы, счастья и успеха.

Давно ль я, кажется, входила
С волненьем в ваш утихший класс,
Где столько милых детских глаз
Меня вниманием дарило.

И ты меж них, философ новый,
Чуть старше дочери моей:
Две тонких ручки, взмах бровей
И лобик, уж тогда суровый...

Я Пушкина вам между делом
Читала звонкую строку
И, кажется, вдохнуть сумела
Любовь к чужому языку.

Теперь же я, по воле неба,
В бегах за молоком, за хлебом,
Здоровье, жизнь и силы трачу,
Порой смеюсь, а то и плачу.

1953

ПЕРЕВОДЫ

ГАЛИНА МАЗУРЕНКО

* * *

Сердце ранено наше навеки,
И очей не найти сухих,
Тяжко поутру сомкнуты веки,
И веселье, и смех затих.
В разговоре пустом натяжки,
Но немой на устах вопрос...
Говорить?.. Но слова иссякли,
Чтобы плакать – не хватит слез...

1942

ШАРЛЬ БОДЛЕР

ПРИГЛАШЕНИЕ В ПУТЬ

О, дитя мое,
О, сестра, вдвоем
Далеко мы уйдем, быть может,

В край, где сладко жить,
Где вольно любить,
Где земля, на тебя похожа!
Небо влажно там,
А по вечерам
Солнце прячет лицо в туманы,
Там твои глаза
Заблестят в слезах
И еще таинственной станут.
    Там покой, обилие, лад,
    Там краса и любовь царят.

Каждый там покой
Дышит стариной,
Комнаты разубраны богато,
Редкие цветы
Дивной красоты
С мирром там мешают ароматы.
Стены высоки,
В фресках потолки,
Как озера зеркала глубоки,
Всё чарует взгляд,
Сердцу говоря
О волшебной роскоши Востока.
    Там покой, обилие, лад,
    Там краса и любовь царят.

Погляди, как спят
На каналах в ряд
Корабли с повадкой гулливой!
Редкие дары,

Верно, привезли
Для тебя, царицы счастливой;
Солнечный закат
Пламенем объят,
Пристань словно вылита из золота,
Паруса лежат,
Гиацинты спят,
В розовом сиянии заката.
    Там покой, обилие, лад,
    Там краса и любовь царят.

1948

ЯРОСЛАВ СЕЙФЕРТ

ДУШИЧКИ

Мерцает пламя здесь и рядом
Дрожит, как первая слеза,
Что набегаёт на глаза...
А воздух пахнет листопадом.

Стоим в молчанье: что мы, где мы?
В огне дрожит упрёк немой,
А первый иней, как зимой,
Пушит седые хризантемы.

1946

ОДЕТАЯ СВЕТОМ (ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

Я однажды шел, когда темнеет,
Прага была царственней, чем Рим.
Стало страшно вдруг, что не сумею
Сна порвать, так был неповторим
В тишине весенней ночи город.
Звезды зажигались наудачу,
Что под крыльями под утро спрячут
Чудища старинного собора.

Я однажды вышел утром рано
И побрел в знакомые места,
Но у старого седого храма
Были заперты еще врата.
Горе путнику, который должен
У дверей весенним утром ждать;
Мне хотелось посмотреть, как звезды
Станут с неба утром улетать.

Где слагают крылья ангелы, чтоб спать?
У людей, лишь вечером положат
Голову усталую на ложе,
Крылья начинают прорастать...

А слепой внезапно прозревает,
К розе вдруг приник губами он,
А глухой о чуде повторяет,
Слыша колокольный перезвон.

1954

ГОРА РЖИП

Я видела снежные вершины,
Но не о них пою я ныне.

В высотах, недоступных глазу,
Снега блистали, как алмазы.

Давило грудь, дух занимало,
Красы тех гор как не бывало.

Но если средь родной равнины
Вдали увижу холм единый

И облачко, как кружевное,
Тут сердце запоет иное.

Несутся облака над нивой,
Копытом кони бьют ретиво.

В снопах тяжелые колосья,
Святой Георгий меч заносит,

Чтобы отсечь главу дракону.
Горячий воздух полон звону,

Кружится мотылек над викой,
Душистой кашкой, повиликой...

Тут я немею от волнения,
И брызжут слезы умиления:

Всё сердцу близко, всё знакомо:
Как хорошо, как славно дома!

НОЧЬ

Ночь одела в сеть тумана
Каждый лист и куст.
Тихо повторять я стану
Звезды наизусть.

По ночам жестокий голод
Чувствует сова,
И бедняжка мышка колос
Догрызет едва.

Хоровод беспечных мошек,
Рея в тьме ночной,
Лёта тихого не слышит
Мыши над собой.

Ночь сдавила всё, как панцирь,
Темень, ночь и тишь...

Умирают мошки в танце:
Их проглотит мышь.
Всё живое смерть объемлет,
И пощады нет...
Всё уж спит, лишь смерть не дремлет,
Бдит одна лишь смерть.

1957

ПОСЛЕДНЯЯ ПРАЖСКАЯ «СКИТНИЦА»

Ирине Альфредовне (Алексеевне) Бем на роду было написано выбрать в эмигрантском бездорожье (или наоборот – многодорожье?) стезю поэтическую и, таким образом, неминуемо стать «скитницей». Старшая дочь Альфреда Людвиговича Бема (1886–1945?), известного литературоведа и критика Русского Зарубежья, родилась 26 (13 ст. ст.) февраля 1916 года в Петрограде, 1 марта того же года ее крестили в церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы на Петроградской стороне (в 1932 г. церковь была закрыта и снесена). В те годы после окончания словесного отделения историко-филологического факультета университета А. Л. Бем был оставлен при кафедре русской литературы и одновременно работал в Рукописном отделе Российской академии наук, перед ним открывалась блестящая научная карьера. Детство будущей поэтессы проходило не только в северной столице, но и в родном городе ее родителей – в Киеве. Эти впечатления раннего детства мы найдем в ее стихах. Мать будущей поэтессы, Антонина Иосифовна, урожд. Омеляненко, в свое время преподавала русский язык в одной из киевских женских гимназий. Она происходила из богатой купеческой семьи, которая до революции занимала просторную квартиру в центре города, на Крещатике. Старая фотография из семейного архива Ирины Альфредовны сохранила вид интерьера с пальмой. Дедушка и бабушка Ирины, родители А. Л. Бема, были немецкими подданными, мать, Мария-Юзефина, урожд. Кречмер, говорила и писала только по-немецки. Отец, Людвиг Бем, владел в Киеве небольшим обувным магазином. Спустя три года после рождения Ирины в семье А. Л. и А. И. Бемов появилась на свет вторая дочь – Татьяна.

Но пришло время революции и гражданской войны, и в январе 1920 г. А. Л. Бем, подобно тысячам русских деятелей науки ушедшей в небытие старой России, эмигрировал. Его путь лежал через Одессу в Белград, а оттуда – в Варшаву. Не прожив и года в Польше, в январе 1922 г. он переехал в Прагу, где представилась возможность получить квалифицированную работу, продолжить занятия наукой. Всё это время Антонина Иосифовна с девочками оставались в Киеве. Воссоединение семьи произошло только в конце 1922 года: А. И. Бем с дочерьми, предприняв путешествие через Штетин и Берлин, приехала в Прагу. После небольшой остановки в чехословацкой столице Бемы, в поисках более дешевого жилья, переехали в Збраслав под Прагой. Старинный живописный городок расположился на берегу Влтавы, главной достопримечательностью его был красивый замок с большим парком. В Збраславе обосновалась большая русская колония, состоящая, в основном, из представителей науки, литературы и культуры. В 1920-е годы каждую пятницу (зимой раз в две недели) вся колония, большей частью с семьями, собиралась за чашкой чая в маленькой гостинице «Под каштанами», а летом – в гостиничном двореке под тенистыми деревьями для чтения докладов, литературных произведений, воспоминаний; не были редкостью домашние спектакли, конкурсы поэтов и проч. Популярными в среде русской интеллигенции собрания кружка с участием маститых ученых, известных литераторов и публицистов, на которые часто приезжали гости из Праги, носили название «Збраславские пятницы».

Семья Бемов в Збраславе соседствовала с семьей В. Ф. Булгакова, жена которого давала Ирине первые уроки французского языка; рядом жили Лосские. Другом детства и юности Ирины Бем, начиная с тех лет, что прошли в Збраславе, был Андрей Лосский, младший сын философа

Н. О. Лосского, с которым А. Л. Бем поддерживал дружеские отношения все эмигрантские годы. Обе семьи были соседями как в Збраславе, так и позднее в Праге.

Подошла пора учебы, и в 1925 году семья А. Л. Бема переехала в Прагу. Ирина поступила во французскую школу, а затем во французскую реальную гимназию, которую окончила в 1935 г. Жизнь «русской Праги» в то время, как и в первое десятилетие эмиграции, была наполнена множеством интересных событий, научная среда и студенчество задавали общий тон, русская культура, хотя и лишившаяся к тому времени официальной государственной поддержки в связи с признанием Чехословакией СССР, продолжала еще существовать. Молодое поколение русской пражской колонии было погружено в свою повседневную жизнь, в которой незаменимую роль играли союзы, кружки, сообщества. Обе дочери А. Л. Бема были в отряде Общества «Витязей» (русский аналог скаутов). Особенно младшая, Татьяна, была ему предана всей душой, энергично участвовала в устройстве летних скаутских лагерей. Семья Бемов, как и другие русские эмигранты, да и сами пражане, летом стремилась уехать из пыльной душной столицы, не отличающейся хорошим климатом. Лето Бемы проводили то на Подкарпатской Руси (Западной Украине), где А. Л. Бем часто читал лекции, то в Карловых Варах (Карлсбаде) – там его привлекали местные архивы, то в Марианских Лазнях (Мариенбаде), то в уютной деревушке Еваны под Прагой. Ирине особенно запомнилось одно лето, которое она провела вместе с семьей Лосских в городке Высокое Мыто в центральной Чехии, недалеко от небольших городов Пардубице и Градец Кралове – в последний из них пришлось переехать в 1950-е годы ее семье. Но то лето середины 1930-х годов особенно запомнилось ей, и не просто запомнилось, но и нашло отзвук в ее творчестве, воплотившись в один из стихотворных циклов под названием «Высокое Мыто».

Осенью 1936 г. Ирина поступила на филологическое отделение философского факультета Карлова университета (по специальностям классические языки и литература, французский язык и литература). Следующий год стал для семьи Бемов важным этапом – они получили гражданство ЧСР. Но особенно значимым событием год вошел в судьбу Альфреда Людвиговича Бема: он перешел в православную веру, крестившись под именем Алексей. Однако вскоре политические события вновь вторгаются в жизнь эмигрантов, нарушив и относительно плавное течение жизни Бемов в Чехии. В 1939 г. произошла немецкая оккупация Чехословакии, в результате которой был установлен Протекторат Чехия и Моравия. Кардинальным изменениям подверглось чешское общественное устройство, в частности, закрылись все чешские высшие учебные заведения. Ирине Бем пришлось продолжать образование в пражском Немецком университете. Заканчивала университет она после окончания войны, сдав государственные экзамены и по специальности русский язык и литература.

Но вернемся на несколько лет назад, в середину 1930-х годов. В Праге к тому времени уже более десяти лет существовало литературное содружество «Скит» (вначале именовавшееся «Скит поэтов»), руководителем которого был отец Ирины – Альфред Людвигович Бем.¹ Судьба Ирины, начавшей писать стихи, видимо, еще в гимназии, была поэтому, что называется, предопределена – «скитники» стали приглашать ее в свой круг. Судя по сохранившимся протоколам заседаний, 19 ноября 1935 г. она впервые присутствовала на собрании «Скита», затем ее имя появляется

---

¹ Об этом литературном содружестве см.: Скит. Прага. 1922–1940. Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л. Н. Белошевой; сост., биографии Л. Н. Белошевой, В. П. Нечаева. Славянский институт АН ЧР. – М.: Русский путь, 2006.

в февральских записях 1938 г., когда встречи объединения стали всё чаще проходить на квартире у А. Л. Бема в так называемом «Профессорском доме». В своих воспоминаниях о «Ските», написанных в конце 1960-х годов, Ирина Бем оставила короткие заметки об этих собраниях в их доме: «В маленьком рабочем кабинете моего отца собирались человек десять-пятнадцать, закрывались двери, и, пока мать готовила ужин, за закрытыми дверями происходили для меня такие вначале таинственные и недоступные собрания “Скита”. Позже (вероятно, с 1936 г.) стали приглашать и меня, и я, как очарованная, слушала музыку стихов и приглядывалась к выступающим. Еще позже (вероятно, с 1938 г.) стала свои стихи читать и я. <...> После такого собрания скитники приглашались к столу, за которым мать беспрестанно разливала чай и где продолжались оживленные литературные прения. Члены “Скита” бывали нередко гостями и на “пятницах” – приемных днях, по которым у отца собирались известные слависты, студенты-иностранцы, изучавшие в Праге русский язык, литературные гости и просто знакомые. <...> Скитники заходили к отцу и поудиночке, почитать новые стихи, посоветоваться о них. Так, помнится, заходили: Э. К. Чегринцева, красивая Татьяна Ратгауз, Алла Сергеевна Головина»¹. Ирину Альфредовну здесь немного подвела память: впервые свое стихотворение («Андромаха») она прочитала на «скитовских» собраниях позднее (19 апреля 1940 г.) и сразу же была принята в члены содружества: в списке «скитников», названном «Четки», ее имя вписано заключительной строчкой (номер 36). Присутствовала она и на самом последнем официальном собрании «Скита» 6 сентября 1940 г., и не просто присутствовала,

---

¹ Вокруг «Скита» / Публ. О. М. Малевича // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 219–221.

но читала в тот день, судя по протоколу, стихотворение «Петербург»¹.

Во время войны Ирина Бем не переставала писать стихи, ее единственный поэтический сборник «Орфей» вышел в свет на правах рукописи в начале 1943 г., а ранней весной того же года в читальне «Профессорского дома» состоялся ее поэтический вечер. Сама «виновница» так описывает это событие: «Небольшой зал был полон. Краткое вступительное слово произнес, как всегда, А. Л. Бем. <...> После чтения стихов выступил с обширным литературно-критическим разбором стихов “Андромаха I-я” и “Андромаха II-я” Николай Андреев. Это было мое первое публичное выступление, и волнение мне мешало зарегистрировать характер критического разбора. По словам же некоторых присутствовавших, оценка Андреевым моих стихов была положительной. Имена других выступающих мне, к сожалению, восстановить не удалось. При выходе подавались стихи Лебедева, Чегринцевой, Головиной² и мой “Орфей»».³ Кстати, в последнем коллективном выступлении «скитников», тех, кто еще оставался в тот момент в Праге, Ирина Бем тоже участвовала. Произошло это 19 мая 1944 г. на Семинаре по изучению русского языка и литературы при Русской ученой Академии в Праге (бывшем Русском свободном университете). А. Л. Бем говорил тогда о «Задачах современной эмигрантской литературы», этот доклад лег затем в основу его известной статьи «Русская литература в эмиграции», напечатанной по-чешски и по-

¹ Видимо, речь идет о стихотворении «Люблю зиму...».

² Вяч. Лебедев. Звездный крен. Стихи 1926–1928. Прага, 1929; Э. Чегринцева. Посещения. Стихи 1929–1936. Таллин: Новь, 1936 г.; Э. Чегринцева. Строфы. Варшава: Священная лира, 1938; А. Головина. Лебединая карусель. Берлин: Петрополис, 1935.

³ Вокруг «Скита»... С. 224–225.

русски¹. И, как бы иллюстрируя лекцию Бема, бывшие «скитники» – Ирина Бем, Вячеслав Лебедев и Василий Федоров – читали на этом собрании свои произведения.

Выход сборника «Орфей» был отмечен печатью военного времени – газетно-журнального отклика он не дождался, литературных критиков разметало по свету. Но тем драгоценнее становится сохранившееся в одном из писем мнение Николая Артемьевича Еленева, архитектора, искусствоведа, писателя, мемуариста, близкого друга семьи Марины Цветаевой (он был приятелем и сокурсником С. Эфрона), оставившего о ней свои воспоминания². Вот что пишет Н. А. Еленев А. Л. Бему 15 апреля 1944 г.: «“Орфей” уже не проба. В стихах уже много настоящих достоинств: прежде всего они самобытны, они – важны, кроме этого. Слово “важны” Вам объяснять мне не надо! Это их счастливо отличает от дамских творений. Экономия, столь необходимая, тоже налицо. Но стихи не для широкого потребления. Кто теперь знает об Улиссе и о “безветренном море фаяков”! Все мы вынули проклятый жребий! Кто поймет насколько удачно слово “оны” в применении к мифу об Орфее? Да поймут ли, наконец, старое, столь певучее слово в строке:

“И утро – лишь исход для новых пеней?..”³

Прекрасна “Молитва”, превосходна!.. а) тема чутко подана с библейским призывом; “выси, всплывшие, как мели” – сильный правдивый образ, в корне таящий “парадокс”; можно было бы говорить и дальше... б) разрешение (в смысле классического сонета, хотя “Молитва” не сонет) – перевод во времени, трансмутация своего рода.

“Новая весна” – романс. Но кто нынче напишет музыку!?!
Ведь мы – каторжане...

---

¹ См., напр.: Бем А. Письма о русской литературе. Прага: Euroslavica, 1996. С. 333–337.

² Еленев Н. А. Кем была Марина Цветаева? // Грани. 1958. № 39.

³ Выделено автором письма.

Дай Бог, чтобы поколение, к которому принадлежит Ваша дочь, действительно увидело “прощенные поля”. О недостатках не хочется говорить: есть и они. Мешает мне очень новая орфография...»¹

Во время войны, 7 июля 1941 г., Ирина Бем вышла замуж за инженера-агронома Михаила Антоновича Голика (1912–1971). Вскоре у них родилась дочь Мария (1943), а в начале 1945 г. – сын Алексей. Наступил победный май 1945 года, но вместе с освобождением Чехословакии Советской армией от немецкой оккупации для многих русских эмигрантов настало новое тяжкое испытание. Несчастье постигло всю семью Бемов. В ходе повальных арестов среди эмигрантов, которые проводили советские спецорганы, были задержаны муж Ирины – Михаил Голик и муж Татьяны – Сергей Давыдов². Однако счастье неожиданно улыбнулось М. Голику, и после трех месяцев пребывания в чешском городке Ратиборж ему чудом удалось вернуться домой в числе небольшой группы русских пражан. Для отца Ирины, Альфреда Людвиговича Бема, освобождение Чехословакии Советской армией обернулось настоящей трагедией. После ареста 16 мая 1945 г. никто больше не видел его, и никаких официальных сведений о его кончине семья так и не дождалась.

В начале войны, с 1942 г. и до рождения дочери, Ирина Голикова (Бем)³ преподавала в русской реальной гимназии

---

¹ Частное собрание семьи А. Голика.

² Судьба первого мужа сестры Татьяны, С. Давыдова, сложилась иначе: он был депортирован в СССР и провел в советских лагерях 10 лет; после истечения срока заключения С. Давыдов не вернулся в Чехословакию, а остался работать на советской территории, вторично женился. В 1989 г. его разыскал сын, С. С. Давыдов, профессор Миддлбери-колледжа (штат Вермонт, США).

³ Чешское официальное написание фамилии: Iřina Holíková-Béťmová. Сама И. А. Бем свою фамилию приводила в соответствии с русской традицией: Ирина Бем-Голик.

в Праге. И на профессиональном поприще она пошла по стопам отца. Вспоминает одна из ее учениц – Ирина Владимировна Рафальская, внучка генерала Д. Г. Щербачева, дочь царского дипломата В. Т. Рафальского, арестованного так же, как и А. Л. Бем, в 1945 г. в ходе массовых арестов советскими органами безопасности, и тоже трагически погибшего: «Ирина Альфредовна <...> была спокойная, особенно не улыбалась. Была всегда серьезная, но мы чувствовали в ней какую-то силу, и мы подчинялись этой силе. У нее были большие ясные глаза. Она входила в класс (мы были такие сорванцы, тридцать человек, один шальнее другого) и наступала тишина – если бы иголка упала, слышно было бы. Она только поднимала свои глаза – и всё... В нашем классе она преподавала только латынь, и мы знали латынь на зубок. <...>

У Ирины Бем было лицо мадонны, но без улыбки. Она была красивая, стройная всю жизнь, у нее была такая скульптурная, как бы “каменная” красота, как у статуи <...>. Она была величавая, замкнутая, без видимых эмоций, очень сдержанная, очень во всех отношениях корректная. Когда у нее родилась девочка, Машенька, мы все захотели быть крестными, но весь класс не может быть крестными <...> Но я была на этих крестинах в Профессорском доме. <...>

Да, мы знали, что она пишет стихи, красивые стихи, но никогда не приходилось их слышать».¹

Похожий образ И. Бем запечатлелся и в памяти ее дочери Марии Голиковой, в замужестве Доскочиловой: «она была человеком замкнутым, погруженным в себя», «говорила она по-чешски с заметным акцентом, как многие русские, которые считали, что Чехия для них – жилье временное».²

---

¹ Магнитофонные записи беседы (архив Л. Белошевской).

² Из частного разговора автора с дочерью И. А. Бем (архив Л. Белошевской).

После окончания войны оставшиеся в живых члены семьи А. Л. Бема постепенно покидают Прагу, где всё напоминало о трагедии. Младшая из дочерей Альфреда Людвиговича, Татьяна, обосновалась в конце концов с семьей в Словакии. В 1946 г. семья Ирины переехала из Праги в маленький городок Хрудим в восточной Чехии, куда должен был переселиться М. А. Голик в связи с новой работой. В 1949 г. к ним присоединилась Антонина Иосифовна Бем, но спустя год ей пришлось переехать к младшей дочери, чтобы нянчить маленьких внуков вышедшей вторично замуж Татьяны. В 1953 г. Ирина Альфредовна начала преподавать русский язык в Экономической школе в г. Пардубице, куда ей приходилось ездить из Хрудима. Наконец, в 1963 г. семья окончательно обосновалась в уютном и живописном городке Градец Кралове (на северо-восток от Праги), и Ирина Альфредовна (Алексеевна) стала преподавателем русского языка и литературы в городской гимназии, поначалу продолжая работу и на прежнем месте. По воспоминаниям дочери, она постоянно стремилась возбудить в своих чешских учениках интерес к русской литературе, а тем, кто увлекся стихами, помогала готовиться к конкурсам декламации русской поэзии, традиционно и регулярно проводившимся в послевоенной социалистической Чехословакии.

Только спустя почти полвека состоялось ее свидание с родиной, с родным городом. В июле 1968 г. Ирина Бем с дочерью Марией очутилась снова на берегах Невы, в Ленинграде. Ей удалось повидаться с родственниками, ради этого приехавшими из Киева.

Последняя «скитница», Ирина Бем не переставала писать стихи, хотя и возвращалась к ним после длительных перерывов. В конце 1960-х годов, на волне чешской «оттепели», она принимается за составление своего второго поэтического сборника (Стихи разных лет. Прага, 1936–

1969).¹ Туда вошли и ее немногочисленные переводы на русский язык с чешского, французского, украинского; особенно привлекали ее стихи чешского поэта Я. Сейферта, будущего лауреата Нобелевской премии по литературе.

Но не только своим творчеством занималась в эти годы Ирина Альфредовна. Ее не переставала заботить судьба наследия отца. Начиная с 1969 г. вместе со своим мужем, М. А. Голиком, она подготавливала к сдаче на хранение остававшиеся у нее материалы из архива А. Л. Бема, которые в конце концов передала в Славянскую библиотеку. Туда же она передала незадолго до своей смерти и чрезвычайно ценную, по-своему уникальную библиотеку А. Л. Бема, в том числе и книги, подаренные отцом ей самой. Лишь спустя много лет М. Магидовой удалось полностью выявить это собрание в фондах Славянской библиотеки и заняться его описанием и изучением.²

Параллельно с занятием по устройству архивного и библиотечного наследия А. Л. Бема она работала вместе с Вадимом Морковиным над подготовкой юбилейного сборника, посвященного 50-летию образования «Скита», – его планировал издать Институт языков и литератур АН ЧССР (наследник Славянского института, основанного по инициативе Т. Г. Масарика). Для этого сборника В. Морковин написал очерк, названный «Пятидесятилетие “Скита поэтов”», а И. Бем – заметки мемуарного характера к истории пражского объединения. Однако наставшие вскоре политические перемены в стране, связанные с роковым для Чехословакии 1968 годом, помешали осуществиться

---

¹ Временные рамки создания стихов указаны неточно: в сборник входит одно стихотворение, датированное 1970 г. И. Бем принадлежит также авторство титульной страницы.

² См.: Магидова М. Библиотека А. Л. Бема в Славянской библиотеке в Праге // Зарубежная Россия. 1917–1939. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 355–360.

замыслу, и юбилейный сборник так никогда и не вышел. Мемуарно-исследовательская работа Ирины Бем «Скит поэтов» в Праге» была опубликована много позже, уже после ее смерти, в 1998 году.¹ В связи с этой подготовительной работой И. Бем и В. Морковину удалось в конце 1960-х годов собрать и восстановить часть архива «Скита», а это, в свою очередь, позволило В. Морковину привести в порядок и описать сам фонд А. Л. Бема, хранящийся в пражском Литературном архиве Музея национальной письменности.

Умерла Ирина Альфредовна Бем-Голик 18 июля 1981 года в г. Градец Кралове, там и похоронена.

Поэтессе Ирине Бем так и не довелось увидеть свои стихи в печати (если не считать сборника «Орфей», изданного на правах рукописи множительной техникой в количестве 100 экземпляров). Они вышли в свет на страницах сборников уже после ее смерти: впервые в альманахе «Перекрестки» (Филадельфия, 1982 г.) была напечатана «Андромаха», а почти десять лет спустя, в 1993 г., благодаря стараниям племянника И. Бем, профессора русской литературы (Миддлбери-колледж, штат Вермонт) Сергея Сергеевича Давыдова, и сына поэтессы, Алексея Голика, который любезно предоставил альманаху «Встречи» (Филадельфия) несколько стихотворений для публикации, увидела свет первая стихотворная подборка. В 1997 г. ее стихи были включены в антологию «Мы жили тогда на планете другой...»², в 2005 г. – в сборник, посвященный поэтам пражского «Скита».³ И,

---

¹ Вокруг «Скита»... С. 217–247.

² «Мы жили тогда на планете другой...» Антология поэзии Русского Зарубежья. Т. 4 / Сост. Е. В. Витковского; биографич. справки и коммент. Г. И. Мосешвили. М.: Московский рабочий, 1997. С. 159–163.

³ Поэты пражского «Скита». Стихотворные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. О. М. Малевича. СПб.: Росток, 2005. С. 496–504.

наконец, в 2006 г. вышла книга, своеобразный свод жизни и деятельности объединения «Скит» и его членов, в которой свое место заняло и ее творчество.¹ Настоящее издание – наиболее полный свод поэтического наследия Ирины Бем – составили стихи и переводы из авторского собрания «Стихи разных лет. Прага 1936–1969» (машинопись), над которым работала сама поэтесса. Больше половины из них публикуется впервые. Циклы и отдельные стихотворения расположены в авторской последовательности; иногда это нарушает хронологию, но мы сохранили волю поэтессы без изменений.

Ирине Бем выпал жребий быть последней «скитницей», замкнуть круг «четок» пражского «Скита», духовная среда которого позволила ей раскрыть свое дарование, найти свой литературный путь.

* * *

Приношу искреннюю благодарность за помощь в работе над этой книгой детям И.А. Бем – Марии Доскочиловой и Алексею Голику, а также его супруге Владимире Голиковой (Градец Кралове, Чехия).

Любовь Белошевская (Прага)

---

¹ Скит. Прага. 1922–1940. Антология. Биографии. Документы. С. 638–648.

ПИСЬМА ИРИНЕ БЕМ¹

I

15.III.1944

Дорогая Ирина Альфредовна,

Поздравляю и благодарю! Стихи ваши прекрасны формой и богаты содержанием.² Просты и правдивы, как перевоплощенное переживание, поэтому и жизненны и ценны. Еще раз спасибо!

Сердечный привет шлет и добром Вас вспоминает
А. А. Тескова³

II

Среда 15.III.1944

Дорогая Ирина,

Очень Вам благодарен за внимание. Ваш сборничек мне очень понравился, жаль только, что такой маленький. Надеюсь, что вскорости последуют дальнейшие, и, как сказал Пушкин, желаю Вам на Парнасе много грома.

---

¹ Письма хранятся в частном собрании семьи А. Голика.

² Отклик на посылку сборника И. Бем «Орфей» (1943).

³ Тескова Анна Антоновна (Tesková Anna, 1872–1954) – чешская писательница, переводчица, общественный деятель, друг М. И. Цветаевой (см.: Марина Цветаева. Письма к Анне Тесковой / Сост. В. Морковин. Предисловие З. Матгаузера, В. Морковина. Прага: Academia, 1969). Переводила на чешский язык статьи А. Л. Бема, была в дружеских отношениях с его семьей.

Сердечный привет Мише.¹
Преданный Вам
Вадим Морковин².

III

3.IV.1944

Дорогая Ира, спасибо Вам за присланные стихи. Вы доставили мне большую радость и тем, что не забыли меня, и, главное, тем, что в эти дни их издали. Как будто на снегу расцвели цветы.

Стихи мне очень понравились, особенно «Андромаха II». Передайте мой сердечный привет Альфреду <у> Людвиговичу и Антонине Иосифовне.

Всего светлого Вам, мужу и дочери шлет
К. Кист³.

IV

13.III.1952

Дорогая Ирина Альфредовна,

Не знаю, как Вы останетесь довольны моей посылкой Леонардо да Винчи: залежалась книжка. Но после

---

¹ Михаил Антонович Голик, муж И. А. Бем.

² Морковин Вадим Владимирович (1906–1973) – прозаик, поэт, член объединения «Скит».

³ Кист Екатерина Николаевна, урожд. Рейтлингер (1902–1989) – поэтесса, член объединения «Скит». Ее связывали теплые дружеские отношения с А. Л. Бемом и его семьей.

переплетом видом похорошеет. Литературный язык сейчас с некоторыми переменами. Везде в редакциях, и вообще у пишущих людей, лежит брошюра «Stalinovy gráce o jazycse»¹; даром, что написано для русских, видно и чехи нуждаются в корректурах языка.

Это всё, конечно, мелочи в сравнении с жизнью человека. Ведь только из-за человека сердце болит... Замечательные были у Вас родители! Их не забыть... Когда будете писать Татьяне Альфредовне², скажите ей, пожалуйста, от нас привет. Если пойдет на могилку Вашей мамочки, прошу сделать на ней крестик от нас...

Мы все думали, Татьяна Альфредовна в России, а про переезд Антонины Иосифовны из Праги вовсе не слышали. Хотя не раз спрашивали Ивана Ивановича Лапшина³ про нее, но от него ни на какой личный вопрос ответа не добьешься. Давно не был у нас. Заболел и долго лежал в больнице.

А что Ваши дочки? Знаю только про Машеньку. «Славная девочка», – говорил про нее Альфред Людвигович. Как сынка зовут – не знаю⁴. Сколько им лет? Ходят ли в школу или Вы одна с ними занимаетесь? И чем Вы живете

---

¹ Stalinovy gráce o jazycse a jazyk literárního díla i překladu. Praha, 1951. (По-видимому, речь идет о переводе на чешский язык известного сборника лекций «Основы Сталинского учения о языке», изд. МГУ, 1950.)

² Сестра И. А. Бем – Татьяна Альфредовна Бем (1919–1985), в 1-м браке Давыдова, во 2-м – Рейзер. Оставила воспоминания: Татьяна Рейзер (Бем). Украденное счастье // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945. Vol. 2. Praha, 1994. С. 111–112; Vol. 3. Praha, 1995. С. 66–95.

³ Лапшин Иван Иванович (1870–1952) – философ, музыковед; был выслан из Советской России в 1922. Играл видную роль в научной и культурной жизни русской колонии в Праге. Друг семьи Бемов, жил с ними в так называемом «профессорском доме» в Праге.

⁴ Речь идет об Алексее Голике.

помимо повседневного? Что читаете, пишете ли что? (Не сочтите мои вопросы любопытством, не хочу ими «лезть в душу».) Просто хочется знать о людях, с которыми в свое время были близки. А Вашего супруга почти что не знаю, раз только видала.

Мы с Августой Антоновной¹ живем довольно трудно: тесно у нас, беспокойно, всю работу в хозяйстве приходится делать одним, т. к. приходящая прислуга согласилась только раз в неделю приходить на полдня. От всего этого и здоровье страдает. Одна отрада – чтение. Августа Антоновна читает английские, а я больше всего русские книги. Да и перевожу. На днях вышла в печати книга рассказов Короленко в моем переводе. Паустовского «Кара-Бугаз» перевела. Сейчас у меня корректура сочинения Алексея Новикова «Рождение музыканта» и др.

Сердечные Вам приветы. Да хранит Вас Господь!

А.А.Тескова.

Praha XI. Grégrova 18.

---

¹ Тескова Августа Антоновна (Tesková Augusta, 1878–1960) – сестра Анны Антоновны Тесковой, писательница.

ПРИМЕЧАНИЯ

Условные сокращения

ВРС – «Вернуться в Россию – стихами...». 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост., предисл., коммент. и биогр. сведения В. Крейда. М.: Республика, 1995.

Встречи – Встречи: Альманах. Ежегодник. Филадельфия, 1993.

МЖТ – «Мы жили тогда на планете другой...» Антология поэзии Русского Зарубежья. Т. 4 / Сост. Е. В. Витковского; биографич. справки и коммент. Г. И. Мосешвили. М.: Московский рабочий, 1997.

Орфей – Бем И. Орфей: Стихи. 1937–1941. Прага, 1943.

Перекрестки – Перекрестки: Альманах. Филадельфия. 1982. № 6.

ППС – Поэты пражского «Скита» / Сост., вступ. ст., коммент. О. М. Малевича. Стихотворные произведения. СПб.: Росток, 2005.

Скит – «Скит». Прага. 1922–1940. Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л. Н. Белошевой; сост., биографии Л. Н. Белошевой, В. П. Нечаева. Славянский институт АН ЧР. – М.: Русский путь, 2006.

Стихи – Бем И. Стихи разных лет. Прага, 1936–1969. Машинопись. Семейный архив.

Орфей. Орфей. С. 1; МЖТ. С. 159; ППС. С. 496; Скит. С. 643. *Орфей* – в древнегреческой мифологии певец и музыкант, сын музы Каллиопы, был наделен магической силой искусства, которой покорялись не только люди, но и боги. Муж нимфы Эвридики. После ее смерти спускался за ней в подземное царство, но, не исполнив условий Аида, не смог

вернуть Эвридику обратно на землю. *Персефона* (Кора) – в классической мифологии дочь Зевса и Деметры, похищенная Аидом, который, заставив ее проглотить гранатовые зерна (символ неразрывности брака), сделал ее своей супругой и владычицей подземного царства.

«**Жить всерьез и каждой новой роли...**» ППС. С. 496.

«**Каждый день приносит новые тревоги...**» МЖТ. С. 160; ППС. С. 497.

«**О, если б знать, о, если бы предвидеть...**» Орфей. С. 3; МЖТ. С. 159; ППС. С. 496–497; Скит. С. 645. *Немезида* (или Немесида) – в древнегреческой мифологии крылатая богиня справедливого возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм. Именовалась также Адрастеей («неотвратимой»). Изображалась с атрибутами контроля (весы, уздечка), наказания (меч или плеть) и быстроты (крылья, колесница, запряженная грифонами).

«**Я брошена в жизнь Тобой...**» Стихи. С. 5. *Голиаф* – в Ветхом Завете великан-филистимлянин, убитый Давидом во время войны между филистимлянами и израильтянами. Голиаф и Давид были избраны соплеменниками для единоборства, которое должно было решить исход битвы. Согласно библейскому описанию, Голиаф был ростом около 3 м., с головы до ног закованный в военные доспехи. Давид, человек обычного роста, не облаченный в тяжелые доспехи, использовал в поединке только пращу. Выпущенный им камень попал Голиафу в лоб и убил его.

«**Меняются люди, уходят...**» Стихи. С. 6. Эпиграф – из ст-ния М. Шкапской «Вещи» (сб. «Час вечерний». Пг.: Мысль, 1922; сборник был подарен поэтессе отцом, А. Л. Бемом – см. в статье). *Психея*, Психе – в древнегреческой мифологии олицетворение души, дыхания. Изображалась в виде молодой девушки с крыльями бабочки, также в виде бабочки, то вылетающей из погребального костра, то отправляющейся в подземное царство (Аид).

Андромаха I. Орфей. С. 5; Перекрестки; МЖТ. С. 162; ППС. С. 497-498; Скит. С. 647-648. *Андромаха* – дочь Ээтиона, царя мисийского города Фивы Плакийские, супруга Гектора, вождя троян. Во время троянской войны Фивы были взяты и разорены Ахиллом, который убил Ээтиона и семерых братьев Андромахи. В «Илиаде» представлена верной и любящей женой Гектора, предчувствующей грозящую ему опасность и горько оплакивающей его смерть. Трагическая судьба Андромахи послужила сюжетом ряда трагедий от Еврипида до Расина. *Гектор* – один из главных героев Троянской войны, храбрейший предводитель троянского войска, старший сын Приама и Гекубы, супруг Андромахи. Во время сражений с греками убил Патрокла, друга Ахилла, и сам был убит Ахиллом, который несколько раз протащил его тело своей колесницей вокруг стен Трои и затем за выкуп выдал Приаму. Гектору покровительствовал сам Аполлон. На античных памятниках (вазы, пластика) обычно изображались сцены прощания Гектора с Андромахой, битва с Ахиллом и другие эпизоды. *Коротайолос Гектор* – «Шлемоблещущий Гектор» (Гомер, «Илиада», пер. Н. И. Гнедича).

Андромаха II. Орфей. С. 10; Перекрестки; МЖТ. С. 163; ППС. С. 500; Скит. С. 648.

«**О, если б сон, о, если б сон без снов...**» Орфей. С. 6; МЖТ. С. 160; ППС. С. 498; Скит. С. 646. *Пеня* (устар.) – севтование, укор, жалоба.

«**Только не о том, что сейчас...**» МЖТ. С. 160-161; ППС. С. 498-499. ...*море фаяков...* (совр. написание *феаки*) – Ионическое море. В «Одиссее» феаки – мифический народ искусных мореплавателей, обитавших на острове Схерия. Корабли феаков не боялись ни бурь, ни туманов и сами находили верный путь в море. Феаки доставили на своем корабле Одиссея на о. Итаку. *Навзикая* (Навсикая) – дочь царя феаков Алкиноя и Ареты, героиня поэмы Гомера «Одиссея». По преданию, во сне к Навсикае явилась богиня

Афина и велела идти на берег моря. Там Навсикая нашла Одиссея, потерпевшего кораблекрушение. Она надеялась, что Одиссей женится на ней, и когда узнала о желании Одиссея возвратиться на родину, то, прощаясь с ним, просила, чтобы он помнил о той, которая спасла ему жизнь. *Улисс* – латинизированная форма имени мифологического царя Итаки Одиссея. Сын Лаэрта, супруг Пенелопы и отец Телемаха, прославившийся как участник Троянской войны. Один из ключевых персонажей «Илиады», главный герой «Одиссеи», повествующей о долгих скитаниях и возвращении Одиссея на родину. Умный и изворотливый оратор, Одиссей отличался не только отвагой, но и хитрым, изворотливым умом (отсюда его прозвище «хитроумный»), побеждал не только оружием, но словом и умом.

«**Говорят, что я еще молода...**» Встречи. С. 135; ППС. С. 499–500.

«**Еще мы вместе все, друзья, друзья...**» ППС. С. 503–504.

«**Иногда, просыпаясь, забудешь совсем, что война...**» ВРС. С. 69–70; ППС. С. 504.

«**Не знаю, от жизни ль угрюмой...**» Стихи. С. 15.

Новый год. Стихи. С. 16.

«**Был март. Ты наверное знаешь, читатель...**» ППС. С. 500–501.

«**Есть мгновенья, тихие как зори...**» Орфей. С. 12; ППС. С. 501; Скит. С. 647.

Новая весна. ППС. С. 501.

Спящая красавица. МЖТ. С. 161; ППС. С. 501–502.

«**Розовеет заря, зеленеет плетень...**» ВРС. С. 69; МЖТ. С. 162; ППС. С. 502

«**Золотые кусты форзитий...**» Стихи. С. 22. *Форзития* (Forsythia) – популярный в Чехии кустарник, известный под названием «золотой дождь», как правило, зацветает первым, покрывая голые ветки мелкими желтыми цветами.

Во Франции известна под названием «парижская мимоза». ...*громада святого Вита...* – кафедральный собор св. Вита в Праге. Постройка продолжалась в течение пяти веков. Строительство готического кафедрального собора началось в XIV в. Разработал проект и начал постройку Матье из Арраса, французский зодчий, приглашенный в Прагу королем и императором Карлом IV; завершил строительство в 1929 г. архитектор К. Гильберт (фасад в неоготическом стиле). Собор святого Вита – духовная, художественная и национально-историческая святыня Чехии, здесь погребены чешские короли, хранятся коронационные регалии средневекового чешского государства. *Брунсвик* (правильно: Брунцвик) – герой чешских легенд. В скитаниях он добыл льва, ставшего чешской гербовой фигурой. Скульптура Брунцвика (1884, автор Л. Шимек) расположена на высоком постаменте, стоящем на отдельном пилоне Карлова моста (под скульптурами св. Винченце Феррарского и св. Прокопия). Скульптура создана на основе сохранившегося фрагмента оригинала XV в. Рыцарь изображен с поднятым, по преданию, волшебным мечом и со львом, покоящимся у его ног, левой рукой он опирается на герб Старого Города пражского. Фигура символизирует защитника города и представителя власти. Статуя вдохновила М. Цветаеву на известное стихотворение («Пражский рыцарь», 1923).

Аквариум звезд. Стихи. С. 23.

Август. Скит. С. 641.

Полнолуние. Стихи. С. 25.

Альдебаран. Стихи. С. 26.

Летняя ночь. Стихи. С. 28.

Высокое Мыто. Стихи. С. 29. *Высокое Мыто* (Vysoké Mýto) – городок в восточной части центрально-чешского края. Известен с XII в., наибольшего расцвета достиг в XIV в., входил в состав владений (как приданое) чешских королев. *Лосский Андрей Николаевич* (1917–1997) – историк,

сын философа Н. О. Лосского. Окончил английский колледж в Праге, затем учился в лондонском университетском колледже. В конце 1930-х гг. вернулся в Прагу, преподавал в английском колледже. В 1939 уехал в США. Студент Мичиганского и Йельского университетов. Во время 2-й мировой войны принимал участие в боевых операциях в северной Африке, Сицилии, Калабрии. После войны вернулся в США. Похоронен в Лос-Анджелесе.

Летние сумерки. Скит. С. 641–642.

Усталость. Стихи. С. 31.

«**Я не могу писать стихов...**» ППС. С. 503. *Аппассионата* – Соната для фортепиано № 23, фа минор, соч. 57 Л. ван Бетховена.

Молодость. Стихи. С. 33.

Расставанья. Стихи. С. 34.

«**Моя душа – как горная трава...**» Стихи. С. 35.

Осень. Встречи. С. 137.

«**Дети на улицах ищут каштаны...**» Стихи. С. 37.

Прощанье с летом. Стихи. С. 39.

«**Как хороша осенняя пора!...**» Стихи. С. 40.

«**Благословенны пахоты и нивы...**» Скит. С. 646.

Молитва. Орфей. С. 8; МЖТ. С. 161; ППС. С. 499; Скит. С. 647. *Ной* – ветхозаветный патриарх (и пророк в исламе), живший в эпоху Потопа и являющийся родоначальником индоевропейцев, семитов и хамитов. По приказу Бога сделал ковчег и единственный спасся во время Великого Потопа. Высадился у гор Араратских.

«**Глас Бога в древней Иудее...**» Стихи. С. 43. *Моисей* (XIII в. до н. э.?) – в Библии пророк, который вывел израильтян из Египта, где они пребывали в рабстве. Основоположник иудаизма, сплотивший израильтян в единый народ, вождь-освободитель и законодатель. Ключевая фигура в книгах Исхода, Левита, Чисел и Второзакония.

Элегия. Стихи. С. 44.

«Куда идти? К Спасителю Христу...» Стихи. С. 45. *Понтий Пилат* – пятый римский прокуратор Иудеи, Самарии и Идумеи при императоре Тиберии (с 25 по 36 г. н. э.). В суде над Иисусом и его осуждении отступает под сильным давлением первосвященников и толпы.

Мария. Стихи. С. 46. *Мне место в доме моего отца...* – парафраза евангельского сюжета: «Он сказал им: зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» (Лук. 2:49)

Киев. Орфей С. 47; Встречи. С. 136; Скит. С. 640. *Крещатик* – главная улица Киева, создана в начале XIX в. В 1892 по ней проложена первая в Российской Империи линия электрического трамвая. До 2-й мировой войны Крещатик был застроен зданиями, в основном в 3–4 этажа, которые стояли сплошным фасадом.

На смерть Н. Гронского. Встречи. С. 138; Скит. 642. *Гронский Николай Павлович* (1909–1934) – поэт. Погиб на станции парижского метро в результате несчастного случая. Известен главным образом как адресат лирики М. Цветаевой, посвятившей ему несколько стихов, а также статью «Поэт-альпинист» (1934) и написавшей рецензию на его посмертный сборник «Стихи и поэмы» (1936). Гронский посвятил Цветаевой два стиха. Издана их обширная переписка (Несколько ударов сердца: письма 1928–1933 годов. Марина Цветаева. Николай Гронский. М., 2003).

«Ты шел дерзновенной эмблемой отваги...» Скит. С. 642–643. Возможно, посвящено португальскому мореплавателю, исследователю Васко да Гама, открывшему морской путь из Европы в Индию.

«Прекрасное слово – гордость...» ВРС. С. 69; ППС. С. 502–503; Скит. С. 643.

Олерон. Стихи. С. 51. *Олерон* (Oléron) – остров в Бискайском заливе, у берегов Франции, против устья Шаранты, связан с Францией крупнейшим в Европе виадуком.

Принадлежит к департаменту нижней Шаранты. Самый большой остров Франции после Корсики. И. Бем вместе с сестрой посетила этот остров во время поездки во Францию в 1930-е гг.

Прага. Скит. С. 644.

«Люблю зиму...» Скит. С. 645. Эпиграф – из стиха О. Мандельштама «На страшной высоте блуждающий огонь...» (сб. «Tristia», 1922).

Рождество. Стихи. С. 54.

Одиночество. Стихи. С. 55.

Засуха. Стихи. С. 57.

«Неужели все песни заглохли, умолкли...» Стихи. С. 58.

Ночь под новый год. Стихи. С. 59.

Детям. Встречи. С. 139.

Набег Чингисхана. Стихи. С. 61. *Чингисхан* (наст. имя Темучин, Темуджин; 1162–1227) – монгольский хан, великий полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти; основатель Монгольского государства, организатор завоевательных походов в Азию и Восточную Европу, объединитель Монголии.

«Я всю ночь говорила стихами...» Стихи. С. 62.

Шутливое послание. Стихи. С. 63. *Яна Швецлова*, в зам. Двончова (р. 1929) – чехосл. лингвист, доктор филологических наук; в первой половине 1950-х гг. работала в Институте чешского языка ЧС АН (Прага), с конца 1950-х гг. переселилась в Словакию, преподавала в университете им. Я. А. Коменского в Братиславе; автор ряда научных статей.

ПЕРЕВОДЫ

Мазуренко Галя (наст. имя Боголюбова Галина Сергеевна; 1901–2000) – украинская поэтесса, переводчица, художница, скульптор. Во время гражданской войны вступила в армию УНР, награждена «Крестом железного стрелца». В эмиграции – сначала в Варшаве, Берлине, с 1923 – в Праге, с 1945 – в Лондоне. Высшее образование (филологическое и художественное) получила в Праге. Принадлежала к т. н. «Пражской поэтической школе украинских поэтов». В Праге опубликовала сб. «Акварели» (1926), «Огни» (1939), «Стежка» (1939), «Снежные цветы» (1941). В Англии издала несколько поэтич. сб. с собственными иллюстрациями. Ее поэзия была переведена на английский и польский языки, на чешском вышел сб. переводов (Акварели. Прага, 2005). Состоялось 9 ее персональных выставок в Англии, США и др. странах. Сборники «Огни» и «Стежка» автор подарила А. Л. Бему с посвящением (см. в статье).

«Сердце ранено наше навеки...» Стихи. С. 11. Из сб. «Стежка» (1939).

Бодлер Шарль (1821–1867) – франц. поэт и критик.

Приглашение в путь. Стихи. С. 64.

Сейферт Ярослав (1901–1986) – чешский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1984).

Душички. Стихи. С. 65. Из сб. «Напето в ротацию» (Zpíváno do rotačky, 1936). *Душички* (чеш.) – День поминовения усопших.

Одетая светом. Стихи. С. 66. Из сб. «В светлой одежде» («Světlem oděná», 1940).

Гора Ржип. Стихи. С. 67. Из сб. «Шел художник скромно по миру» (Šel malíř chudě do světa, 1949). *Гора Ржип* олицетво-

ряет прародину чехов. Расположена в центральной Чехии, на северо-запад от Праги. *Святой Георгий* – христианский святой, великомученик. В Чехии праздник отмечается 24 апреля. По чешской традиции, в следующее воскресенье после праздника св. Георгия ежегодно предпринимается восхождение на гору Ржип.

Ночь. Стихи. С. 68. Из сб. «Шел художник скромно по свету» (*Šel malíř chudě do světa*, 1949).

СОДЕРЖАНИЕ

ОРФЕЙ

Орфей.....	3
«Жить всерьез и каждой новой роли...»	3
«Каждый день приносит новые тревоги...»	4
«О, если б знать, о, если бы предвидеть...»	4
«Я брошена в жизнь Тобой...»	5
«Меняются люди, уходят...»	6

НЫНЕ

Андромаха	
I. «Корютайолос Гектор, ты бился и умер героем...» ..	8
II. «Сколько вас в наши страшные дни, Андромах безывестных!»	9
«О, если б сон, о, если б сон без снов!»	9
«Только не о том, что сейчас...»	10
«Говорят, что я еще молода...»	11
«Еще мы вместе все, друзья, друзья...»	12
«Иногда, просыпаясь, забудешь совсем, что война...»	13
«Не знаю, от жизни ль угрюмой...»	13
Новый год	14

НОВАЯ ВЕСНА

«Был март. Ты, наверное, знаешь, читатель...»	16
«Есть мгновенья, тихие как зори...»	17
Новая весна.....	17

Спящая красавица.....	18
«Розовеет заря, зеленеет плетень...»	18
«Золотые кусты форзитий...»	19

ЗВЕЗДНЫЕ ВЕЧЕРА

Аквариум звезд	21
Август	22
Полнолуние	23
Альдебаран.....	23
Летняя ночь	24

ВЫСОКОЕ МЫТО

Высокое Мыто.....	25
Летние сумерки	25
Усталость.....	26
«Я не могу писать стихов...»	27
Молодость	28
Расставанья	29
«Моя душа – как горная трава...»	30

ОСЕНЬ

Осень	32
«Дети на улицах ищут каштаны...»	33
Прощанье с летом.....	34
«Как хороша осенняя пора!»	34

В ПОИСКАХ БОГА

«Благословенны пахоты и нивы...»	36
Молитва.....	36

«Глас Бога в древней Иудее...».....	37
Элегия.....	38
Куда идти?	39
Мария.....	39

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Киев.....	41
На смерть Н. Гронского	42
«Ты шел дерзновенной эмблемой отваги...»	43
«Прекрасное слово – гордость!»	43
Олерон.....	44
Прага.....	44
«Люблю зиму...»	46
Рождество.....	47
Одиночество.....	47
Засуха	48
«Неужели все песни заглохли, умолкли...»	49
Ночь под новый год.....	50
Детям (Сонет)	51
Набег Чингисхана.....	51
«Я всю ночь говорила стихами...»	52
Шутливое послание.....	53

ПЕРЕВОДЫ

Галина Мазуренко

«Сердце ранено наше навеки...».....	55
-------------------------------------	----

Шарль Бодлер

Приглашение в путь	55
--------------------------	----

Ярослав Сейферт

Душечки	57
Одетая светом (отрывок из поэмы)	58
Гора Ржип	59
Ночь	60
<i>Л. Белошевская. Последняя пражская «скитница» .....</i>	<i>62</i>
Письма Ирине Бем	75
<i>Примечания .....</i>	<i>79</i>

- Бем И. А.**
Б45 Орфей: Стихотворения. – М.: Водолей, 2010. – 96 с.
(Малый Серебряный век).

ISBN 978-5-91763-031-1

Поэтесса Ирина Бем (1916–1981), дочь литературоведа и философа А. Л. Бема, в эмиграции оказалась с 1919 года: сперва в Белграде, затем в Варшаве и с 1922 года – в Праге. Входила в пражский «Скит поэтов», которым руководил ее отец. В 1943 году в Праге нетипографским способом вышел единственный ее поэтический сборник – «Орфей». После гибели отца переехала в Восточную Чехию, преподавала французский и латынь.

Настоящее издание составили стихи и переводы из авторского собрания «Стихи разных лет. Прага 1936–1969» (машинопись). Больше половины из них публикуется впервые. В книгу также вошли письма А. Тесковой, В. Морковина, Е. Кист к И. Бем.

ББК 84Р7-5

Бем Ирина Альфредовна

Орфей
Стихотворения

Литературно-художественное издание

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 25.12.09. Формат 60x90/32
Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль
Печать офсетная. Печ. л. 3
Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
тел. (495) 618-17-80. E-mail: agathon@ Rambler.ru

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

9 785917 630311

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Кржижановский С. Д. Книжная душа: Стихотворения разных лет. 2007. – 88 с.

Штих А. Л. Истлевших лет живые сны: Избранные стихотворения. 2008. – 128 с.

Скрябин А. Н. Поэма экстаза. 2008. – 128 с.

Нейштадт В. И. Пейзаж с человеком: Стихи и воспоминания. 2008. – 128 с.

Кискевич Е. М. Ноктюрн душе: Стихотворения. – 2008. – 128 с.

Феррари Е. К. Эрифилли. – 2009. – 80 с.

Штих М. Л. Зарытый в глушь немых годин: Стихотворения 1917–1922 гг. – 2009. – 96 с.

**Книги серии «Малый Серебряный век»
издательства «Водолей»
можно приобрести в следующих магазинах Москвы:**

Галерея книги «НИНА»
Москва, ул. Бахрушина, 28
тел. (495) 959-21-03. (495) 959-20-94

Книжный магазин «Русское зарубежье»
109240, Москва, ул. Н.Радищевская, 2
тел. (495) 915-00-83, (495) 915-27-97

**Книжная лавка при Литературном институте
им А.М.Горького**
123104, Москва, Тверской б-р, 25
тел. (495) 694-01-98

Книжный магазин «Гилея»
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 51\21
тел. (499) 724-61-67

Книжный магазин «Фаланстер»
109012, Москва, М. Гнезниковский пер., 12\27
тел. (495) 749-57-21

Оптовая торговля: ООО «КнАрт»
E-mail: knarttd@mail.ru   тел. 8-916-119-67-20